

вотъ вамъ Лаевскій, тяготящійся связью съ прискучившей любовницей, но еще не начинающій дѣйствовать; вотъ Лаевскій дѣйствующій; вотъ Лаевскій, попавшій въ большое затрудненіе; вотъ Лаевскій, сраженный неожиданнымъ открытіемъ, — а вотъ и результаты всего этого — его перерожденіе. Рядъ такихъ послѣдовательныхъ и моментальныхъ фотографическихъ снимковъ долженъ создать иллюзію непрерывнаго движенія жизни, строгаго развитія извѣстной драмы. Но фотографія все-таки касается лишь внѣшности, и духовная сторона отъ нея совершенно скрыта.

Я думаю, на этомъ мы можемъ покончить съ „Дуэлью“. Неспособность Чехова сочинять „большія вещи“ сказала въ ней такъ же ясно, какъ и въ „Степи“.

Перейдемъ къ мелкимъ рассказамъ. *IV. Рус. Вост. 1896 N 8*

Въ мелкихъ рассказахъ у Чехова „разговоръ“ еще болѣе „свободный“, нежели въ большихъ вещахъ. Можно сказать, что эти рассказы написаны исключительно для поверхностныхъ читателей, которые не задумываются надъ смысломъ прочитаннаго и легко удовлетворяются внѣшней живостью и бойкостью повѣствованія. Такой читатель больше всего боится скуки, а Чеховъ даже и времени не даетъ скучать: пять, шесть, десять страничекъ, — и рассказъ конченъ. Иной разъ въ авторѣ замѣчается желаніе разработать тему подробнѣе и всестороннѣе, т.-е. на тотъ самый ладъ, на какой сочинены „Степь“ и „Дуэль“. Примѣромъ относительно распространеннаго рассказа можетъ служить „Тина“. И, — удивительная вещь! совершенно такъ же, какъ въ „Дуэли“ и „Степи“, Чеховъ распространяется за счетъ внѣшнихъ подробностей.

„Тину“ олицетворяетъ собою богатая, молодая еврейка, владѣлица водочнаго завода. Чеховъ рисуетъ намъ ее такъ: „Въ большомъ стариковскомъ креслѣ, откинувши голову назадъ, на подушку, сидѣла женщина, въ дорогомъ китайскомъ шлафроку и съ укутанной головой. Изъ-за вязанаго шерстяного платка виденъ былъ только блѣдный, длинный носъ съ острымъ кончикомъ и маленькой горбинкой, да одинъ большой черный глазъ. Просторный шлафрокъ скрывалъ ея ростъ и формы, но по бѣлой красивой рукѣ, по носу и глазу ей можно было дать не больше 26—28 лѣтъ“. Далѣе авторъ показываетъ намъ свою героиню въ болѣе

парадномъ костюмѣ. „Вотъ раскрылась дверь, и на порогѣ появилась она сама, стройная, въ длинномъ черномъ платьѣ, съ сильно затянутой, точно выточенной таліей“. Лицо у нея было блѣдное и худощавое, голова черная и кудрявая какъ у барашка.

Къ этой-то особѣ пріѣхалъ молодой поручикъ получить деньги по векселю своего брата. Поручику нужны были эти деньги для реверса — онъ спѣшилъ жениться. Еврейка предложила своему кредитору позавтракать, но ранѣе отправилась съ нимъ въ кабинетъ, чтобы произвести уплату. Она открыла денежный шкапъ, вынула портфель и, весело болтая всякій болѣе или менѣе претенціозный вздоръ, медлила произвести расчетъ. Она, между прочимъ, говорила: „Вы, конечно, не любите евреевъ... Я не спорю, недостатковъ много, какъ и у всякой націи. Но развѣ евреи виноваты? Нѣтъ, не евреи виноваты, а еврейскія женщины! Онѣ недалеки, жадны, безъ всякой поэзіи, скучны... Вы никогда не жили съ еврейкой и не знаете, что это за прелесть!“ Последнія слова проговорила Сусанна Моисеевна протяжно, уже безъ воодушевленія и смѣха. Она умолкла, точно испугалась своей откровенности, и лицо ея вдругъ исказилось страннымъ и непонятнымъ образомъ. Глаза ея, не мигая, уставились на поручика, губы открылись и обнаружили стиснутые зубы. На всемъ лицѣ, на шеѣ и даже на груди задрожало злое, кошачье выраженіе. Не отрывая глазъ отъ гостя, она быстро перегнула свой станъ въ сторону и порывисто, какъ кошка, схватила что-то со стола. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Слѣдя за ея движеніями, поручикъ видѣлъ, какъ пять пальцевъ скомкали его векселя, какъ бѣлая шелестящая бумага мелькнула передъ его глазами и исчезла въ ея кулакѣ. Такой рѣзкій, необычайный поворотъ отъ добродушнаго смѣха къ преступленію такъ поразилъ его, что онъ поблѣднѣлъ и сдѣлалъ шагъ назадъ...

А она, не сводя съ него испуганныхъ пытливыхъ глазъ, водила сжатымъ кулакомъ себя по бедру и искала кармана. Кулакъ судорожно, какъ пойманная рыба, бился около кармана и никакъ не попадалъ въ щель. Еще мгновеніе, и векселя исчезли бы въ тайникахъ женскаго платья, но тутъ поручикъ слегка вскрикнулъ и, побуждаемый больше инстинктомъ, чѣмъ разумомъ, схватилъ еврейку за руку около

сжатаго кулака. Та, еще больше оскаливъ зубы, рванулась ²⁸¹ изъ всѣхъ силъ и вырвала руку. Тогда Сокольскій одной рукой плотно обхватилъ ея талию, другою — грудь, и у нихъ началась борьба. Боясь оскорбить женственность и причинить боль, онъ старался только не давать ей двигаться, а она, какъ угорь, извивалась въ его рукахъ своимъ гибкимъ, упругимъ тѣломъ, рвалась, била его въ грудь руками, царапалась, такъ что руки его ходили по всему ея тѣлу и онъ поневолѣ причинялъ ей боль и оскорблялъ ея стыдливость.

„Какъ это необыкновенно! Какъ странно! — думалъ онъ, не помня себя отъ удивленія, не вѣря себѣ и чувствуя всѣмъ своимъ существомъ, какъ его мутитъ отъ запаха жасмина. Молча, тяжело дыша, натыкаясь на мебель, они переходили съ мѣста на мѣсто. Сусанну увлекла борьба. Она покраснѣлась, закрыла глаза и разъ даже, не помня себя, крѣпко провела своимъ лицомъ по лицу поручика, такъ что на губахъ его остался сладковатый вкусъ. Наконецъ, онъ поймалъ кулакъ... Разжавъ его и не найдя въ немъ векселей, онъ оставилъ еврейку. Красные, съ вострепанными прическами, тяжело дыша, глядѣли они другъ на друга. Злое, кошачье выраженіе на лицѣ еврейки мало-по-малу смѣнилось добродушной улыбкой. Она расхохоталась и, повернувшись на одной ногѣ, направилась въ комнату, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Поручикъ поплелся за ней. Она сѣла за столъ и, все еще красная, тяжело дыша, выпила полрюмки портвейна“.

Дѣло кончилось тѣмъ, что поручикъ вернулся домой только на другой день, „skonфуженный и помятый“, безъ денегъ и безъ векселей. Братъ былъ возмущенъ наглостью и цинизмомъ еврейки. „Векселя будутъ у меня! — кричалъ онъ. — Будутъ! Я упеку ее! Женщинъ не бьютъ, но ее я изувѣчу... мокраго мѣста не останется! Я не поручикъ! Меня не тронешь наглостью и цинизмомъ! Нѣ-ѣтъ, чортъ ее подери! Мишка, бѣги скажи, чтобы мнѣ бѣговья дрожки заложили“. Но и старшій братъ совершилъ путешествіе на водочный заводъ съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и младшій. Онъ тоже пробылъ тамъ цѣлыя сутки и вернулся безъ денегъ и векселей. Прошло шесть или семь дней. Крюковъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и писалъ поздравительное

282.

письмо къ теткѣ. Около стола, молча, прохаживался Александръ Григорьевичъ. Поручикъ плохо спалъ ночь, проснулся не въ духѣ и теперь скучалъ. Онъ ходилъ и думалъ о срокѣ своего отпуска, объ ожидавшей его невѣстѣ, о томъ, какъ это не скучно людямъ весь вѣкъ жить въ деревнѣ... Остановившись у окна, онъ долго глядѣлъ на деревья, выкурилъ подъ рядъ три папиросы и вдругъ повернулся къ брату.

— У меня, Алеша, къ тебѣ просьба... — сказалъ онъ. — Одолжи мнѣ на сегодня верховую лошадь.

Крюковъ пытливо поглядѣлъ на него и, нахмурившись, продолжалъ писать.

— Такъ дашь? — спросилъ поручикъ.

Крюковъ опять поглядѣлъ на него, потомъ медленно выдвинулъ изъ стола ящикъ и, доставъ оттуда толстую пачку, подалъ ее брату.

— Вотъ тебѣ пять тысячъ... — сказалъ онъ. — Хоть и не мои онѣ, но Богъ съ тобой, все равно. Совѣтую тебѣ, посылай сейчасъ за почтовыми и уѣзжай. Право!

Поручикъ, въ свою очередь, пытливо поглядѣлъ на Крюкова и вдругъ засмѣялся.

— А, вѣдь, ты угадалъ, Алеша, — сказалъ онъ, краснѣя. — Я, вѣдь, именно къ ней хотѣлъ ѣхать. Какъ подала мнѣ вчера вечеромъ прачка этотъ проклятый китель, въ которомъ я былъ тогда, и какъ запахло жасминомъ, то... такъ меня и потянуло!

— Уѣхать надо.

— Да, дѣйствительно. Кстати ужъ и отпускъ кончился. Правда, поѣду сегодня! Ей Богу! Сколько ни живи, а все уѣхать придется... Ёду! Въ тотъ же день передъ обѣдомъ были поданы почтовые; поручикъ простился съ Крюковыми, и, сопровождаемый благими пожеланіями, уѣхалъ. Еще прошла недѣля. Крюковъ надумалъ съѣздить къ еврейкѣ. У нея онъ нашелъ нѣсколько знакомыхъ помѣщиковъ и чиновниковъ. „Одинъ, высокій и тощій, сидѣлъ за роялью, стучалъ длинными пальцами по клавишамъ и пѣлъ. Остальные слушали и скалили зубы отъ удовольствія“. Пройдясь по комнатамъ, Крюковъ около одной вдругъ остановился, какъ вкопанный, и обѣими руками ухватился за косякъ двери. Въ кабинетѣ Сусанны, за письменнымъ столомъ, сидѣлъ

поручикъ Александръ Григорьевичъ. Онъ о чемъ-то тихо разговаривалъ съ толстымъ, обрюзглымъ евреемъ, а увидѣвъ брата, вспыхнулъ и опустилъ глаза въ альбомъ. Чувство порядочности встрепенулось въ Крюковѣ, и кровь ударила ему въ голову. Не помня себя отъ удивленія, стыда и гнѣва, онъ молча прошелся около стола. Сокольскій еще ниже опустилъ голову. Лицо его перекосило выраженіемъ мучительнаго стыда.

— Ахъ, это ты, Алеша! — проговорилъ онъ, сисясь поднять глаза и улыбнуться. — Я заѣхалъ сюда проститься и, какъ видишь... Но завтра я обязательно уѣзжаю!

„Ну что я могу сказать ему? Что? — думалъ Алексѣй Ивановичъ — Какой я для него судья, если я и самъ здѣсь“?

Что же скажетъ читатель, пробѣжавъ рассказъ? Очень мило, интересно и не безъ пикантности.

И мы согласны съ этимъ отзывомъ. Но при чемъ тутъ тина? Что было неотразимо обаятельнаго и чарующаго въ еврейкѣ? какимъ волшебствомъ отрывала она мужей отъ женъ и жениховъ отъ невѣстъ? Чеховъ ничего не разъясняетъ. Носъ съ острымъ кончикомъ и маленькой горбинкой, черное платье, запахъ жасмина, — лишь блѣдныя намеки, нисколько не помогающіе къ разгадкѣ. Болѣе, чѣмъ они, намъ могли бы помочь жертвы чаръ Сусанны. Но жертвы либо хихикаютъ, либо безмолствуютъ, либо смущенно бормочутъ незначащія фразы. Если бы мы знали, что поручикъ и его братъ принадлежать къ людямъ, которые не обольщаются первою же возможностью завести интрижку, — Сусанна пріобрѣла бы въ нашихъ глазахъ характеръ загадочный, интересный. Но мы никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о братьяхъ Крюковыхъ не имѣемъ и вправѣ предположить, что это самые обыденные шалопаи, безоглядно устремляющіеся на каждую любовную приманку. Но тутъ является новое соображеніе. Юный поручикъ, видимо, увлекся еврейкой гораздо глубже и искреннѣе, нежели увлекаются шалопаи и бонвиваны. Значитъ, поручикъ человѣкъ не безнадежно пошлый, значитъ, и въ Сусаннѣ есть какая-то особенная притягательная сила. Однако, эта очаровательница обладаетъ неприкрашенными хищническими инстинктами и, слѣдовательно, мало-мальски чистая душа, особенно, душа влюблен-

наго, счастливаго жениха должна бы, въ концѣ концовъ, возмутиться противъ этого іудейскаго плѣненія.

Итакъ, возникаетъ цѣлый рядъ соображеній, которыя основываются на чрезвычайно скудномъ фактическомъ и психологическомъ матеріалѣ. Они не помогаютъ добратся до смысла разсказа, а только болѣе и болѣе запутываютъ любознательнаго читателя. Чѣмъ старательнѣе вникаетъ онъ въ смыслъ произведенія, тѣмъ труднѣе ему оріентироваться. Въ концѣ концовъ, остается успокоиться на томъ заключеніи, что авторъ самъ не знаетъ внутренней подкладки происшествій, о которыхъ разсказываетъ. Наружную сторону ихъ онъ уловилъ. Ему извѣстно, сколько разъ ѣздили братья къ Сусаннѣ, въ какомъ платьѣ она выходила къ нимъ навстрѣчу, какимъ виномъ угощала за ужинами и обѣдами, сколько времени оставались околдованные въ чертогахъ своей волшебницы, но что это за волшебница, что за околдованные, въ чемъ ея сила и ихъ слабость, — Чехову, должно быть, такъ же не безынтересно узнать, какъ и намъ.

А между тѣмъ, какой „свободный разговоръ“, какъ увѣренно набрасываетъ авторъ сцены, какъ смѣло ведетъ діалоги! Читателю необходимо запастись изряднымъ запасомъ рѣшимости, чтобы признать и эту смѣлость и эту увѣренность ловкимъ фокусничествомъ, беллетристическимъ шарлатанствомъ.

Возьмемъ теперь другой разсказъ, съ фавулой, менѣе сложной и трудной въ психологическомъ отношеніи. Онъ называется „Задача“, и, дѣйствительно, представляетъ задачу, какъ для читателя, такъ и для самого автора. Между тѣмъ, явленіе, послужившее Чехову темой разсказа, очень обыденное и общеизвѣстное. Молодой человѣкъ, какъ говорится, безъ твердыхъ нравственныхъ основъ, ведетъ разсѣянный образъ жизни, дѣлаетъ долги и, наконецъ, совершаетъ преступленіе — выдаетъ фальшивое обязательство. Родственники молодого человѣка, исключая дяди со стороны матери, собравшись на семейный совѣтъ, хотятъ проучить черезчуръ легкомысленнаго прожигателя жизни и отказываются платить по фальшивому обязательству. Однако, добрый дядя успѣваетъ отговорить ихъ отъ жестокаго намѣренія, и юношу на этотъ разъ спасаютъ. Едва дядя съ племянникомъ вышли на улицу, какъ молодого человѣка опять

см.
спд.
срр.

284

потянуло туда, гдѣ онъ такъ весело проводилъ время и гдѣ за веселое времяпрепровожденіе расплачивался подложными векселями. Онъ началъ просить у дяди денегъ. Дядя былъ ошеломленъ. „Послушай, — сказалъ ему племянникъ, — если не дашь, то завтра же донесу на себя! Я не дамъ вамъ заплатить по векселю! Завтра же я учту новый фальшивый вексель!“

Пораженный ужасомъ, дядя исполнилъ требованіе племянника.

— Теперь я вижу, что я преступенъ, — думалъ племянникъ, спѣша въ ресторанъ съ добытою шантажемъ сто-рублевкой.

Казалось бы, во всемъ этомъ происшествіи нѣтъ рѣшительно ничего необычайнаго, таинственнаго, загадочнаго. Но Чеховъ и тутъ сумѣлъ запутаться.

Въ его пустенькомъ разсказѣ все понятно (потому что все ^{285.} безцвѣтно и банально) до того момента, когда племянникъ начинаетъ шантажировать дядю. Такіе молодые люди, какъ изображенный Чеховымъ, способны совершать еще болѣе гнусные поступки. Очень рѣдко бываетъ, чтобы они искренно раскаялись и постарались исправиться. Съ этой точки зрѣнія, конецъ разсказа не представляетъ ничего удивительнаго. И все-таки онъ вызываетъ недоумѣніе. Между нимъ и предшествовавшими сценами нѣтъ строгой причинной связи. Какъ и во многихъ произведеніяхъ Чехова, мы не видимъ здѣсь человѣка, мы не имѣемъ возможности самостоятельно судить о немъ, оцѣнивать совершенные имъ поступки и предугадывать тѣ, которые онъ способенъ совершить. Мы должны вѣрить автору на слово, что его герой негодяй или праведникъ. Вслѣдствіе этого, значеніе разсказовъ Чехова сводится къ значенію анекдота. Ни живость повѣствованія ни жизненность сюжета не уничтожаютъ этого крупнаго недостатка. На очеркахъ и повѣстяхъ Чехова лежитъ печать какой-то ненужности, досадной случайности. Разсматривать ихъ, какъ художественныя произведенія, мѣшаютъ недостатки, о которыхъ мы говорили въ началѣ статьи; считается съ ними, какъ съ человѣческими документами, опять таки нельзя, ибо они затрогиваютъ лишь внѣшнюю сторону житейскихъ явленій. Эта поверхностность до такой степени преобладаетъ въ творчествѣ Чехова, что онъ не умѣетъ сколько-

нибуть глубоко заглянуть въ душу человѣка даже и тогда, когда передъ нимъ нѣтъ запутанной психологической проблемы. Вотъ, напримѣръ, рассказъ „Перекасти-поле“. Здѣсь изображается еврей, еще молодой человѣкъ, не умѣющій пристроиться ни къ какому дѣлу и ведущій нелѣпо скитальческую жизнь, тутъ Чеховъ могъ бы разрѣшить любопытный вопросъ: обусловливается ли скитальчество его героя тѣмъ, что онъ еврей, оторвавшійся отъ своей среды, перемѣнившій вѣру и въ то же время не примкнувшій къ новой средѣ, не проникнувшійся новой вѣрой, или скитальчество заложено у него въ характерѣ, какъ, напр., у многихъ русскихъ странниковъ и бродягъ. Далѣе: что такое этотъ нелѣпый скиталецъ? Есть ли у него какія-нибудь опредѣленные стремленія, или онъ просто ни на что не способный человѣкъ, которому нѣтъ мѣста въ жизни, такъ какъ онъ неспособенъ ни къ какому производительному труду и вообще неспособенъ дать что-либо окружающимъ?

296. Чеховъ какъ будто и хочетъ отвѣтить на эти вопросы, но не отвѣчаетъ ничего. Онъ силится понять своего героя, а замѣчаетъ лишь, что на немъ истасканное платье и дырявые сапоги. Въ результатѣ остаешься совершенно безучастнымъ къ чеховскому герою, перестаешь интересоваться его прошлымъ и задумываться надъ его будущимъ. Но, кажется, нигдѣ беллетристическая наивность не доходила до такихъ высокихъ курьезовъ, до какихъ она доходитъ въ рассказѣ „Тифъ“. Содержаніе его сводится къ тому, что молодой офицеръ заболѣлъ тифомъ, ѣдучи по желѣзной дорогѣ, больнымъ пріѣхалъ домой, долгое время находился между жизнью и смертью, а въ это время отъ него заразилась тифомъ и умерла молоденькая кузина. Вотъ и все. Можетъ быть, Чеховъ съ большимъ знаніемъ и большимъ искусствомъ изобразилъ тифознаго больного. Но опять-таки, какое намъ до этого дѣло? Его рассказъ могъ бы войти, въ видѣ отдѣльной главы въ какую-нибудь повѣсть или романъ. Тамъ мы прочли бы его съ интересомъ, потому что онъ находился бы въ органической связи съ предыдущими и послѣдующими главами, знакомящими читателя съ личностью и исторіей жизни больного. Тогда больной не былъ бы для насъ совершенно неизвѣстнымъ человѣкомъ, и его болѣзнь не являлась бы намъ чуждымъ, нисколько не любопытнымъ

Тифъ.
до кузнецки!

~~— ~~XXXX~~ —~~

событіемъ. Тогда и самыя перипетіи болѣзни и различныя подробности выздоровленія дополнили бы общую картину, послужили бы къ общей характеристикѣ человѣка. Теперь ничего подобнаго нѣтъ, и рассказъ рѣшительно не имѣетъ никакого смысла.

У.

До какой степени Чеховъ умѣетъ морочить читателя, объ этомъ краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуетъ рассказъ „Пощелуй“. Пощелуй — это эпизодъ, случившійся съ армейскимъ капитаномъ Рябовичемъ въ селѣ Мѣстечкахъ, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ коллегами, пользовался гостепріимствомъ генерала фонъ-Раббека. У Раббека было много гостей, и послѣ чая составились танцы. Когда началась кадрили, молодой фонъ-Раббекъ подошелъ къ нетанцующимъ и пригласилъ двухъ офицеровъ сыграть въ бильярдъ. Офицеры согласились и пошли съ нимъ изъ залы. Рябовичъ отъ нечего дѣлать, желая принять хоть какое-нибудь участіе во всеобщемъ движеніи, пошелъ за ними. Изъ залы они прошли въ гостиную, потомъ въ узкій стеклянный коридоръ, отсюда въ 284комнату, гдѣ при появленіи ихъ быстро вскочили съ дивановъ три сонныя лакейскія фигуры. Наконецъ, пройдя цѣлую анфиладу комнатъ, молодой Раббекъ и офицеры вошли въ небольшую комнату, гдѣ стоялъ бильярдъ. Началась игра.

Рябовичъ, никогда не игравшій ни во что, кромѣ картъ, стоялъ возлѣ бильярда и равнодушно глядѣлъ на игроковъ, а они, съ растегнутыми скюртуками и съ кіями въ рукахъ, шагали, каламбурили и выкрикивали непонятные термины. Игроки не замѣчали его, и только изрѣдка кто-нибудь изъ нихъ, толкнувъ его локтемъ, или зацѣпивъ нечаянно кіемъ, оборачивался и говорилъ „pardon!“ Первая партія еще не кончилась, а ужъ онъ соскучился и ему стало казаться, что онъ лишній и мѣшаетъ... Его потянуло обратно въ залу, и онъ вышелъ.

На обратномъ пути ему пришлось пережить маленькое приключеніе. На полдорогѣ онъ замѣтилъ, что идетъ не туда, куда нужно. Онъ отлично помнилъ, что на пути ему должны встрѣтиться три сонныя лакейскія фигуры, но прошелъ онъ пять-шесть комнатъ, эти фигуры точно сквозь землю провалились. Замѣтивъ свою ошибку, онъ прошелъ немного назадъ, взялъ вправо и очутился въ полутемномъ кабинетѣ, какого не видѣлъ, когда шелъ въ бильярдную;

постоявъ здѣсь полминуты, онъ рѣшительно отворилъ первую попавшуюся ему на глаза дверь и вошелъ въ совершенно темную комнату. Прямо видна была дверная щель, въ которую билъ яркій свѣтъ; изъ-за двери доносились глухіе звуки грустной мазурки. Тутъ такъ же, какъ и въ залѣ, окна были открыты настежь и пахло тополемъ, сиренью и розами.

Рябовичъ остановился въ раздумьи. Въ это время неожиданно для него послышались торопливые шаги и шуршанье платья, женскій, задыхающійся голосъ прошепталъ: „наконецъ-то!“ и двѣ мягкія, пахучія, несомнѣнно женскія руки охватили его шею; къ его щекѣ прижалась теплая щека, и одновременно раздался звукъ поцѣлуя. Но тотчасъ же цѣловавшая вскрикнула и, какъ показалось Рябовичу, съ отвращеніемъ отскочила отъ него. Онъ тоже едва не вскрикнулъ и бросился къ яркой дверной щели.

Когда онъ вернулся въ залу, сердце его билось и руки дрожали такъ замѣтно, что онъ поторопился сирятать ихъ за спину. На первыхъ порахъ его мучили стыдъ и страхъ, что весь залъ знаетъ о томъ, что его сейчасъ обнимала и цѣловала женщина; онъ ежился и безпокойно оглядывался по сторонамъ, но, убѣдившись, что въ залѣ попрежнему преспокойно пляшутъ и болтаютъ, онъ весь предался новому, до сихъ поръ ни разу въ жизни не испытанному ощущенію. Съ нимъ дѣлалось что-то странное... Его шея, которую только что обхватывали мягкія пахучія руки, казалась ему, была вымазана масломъ; на щекѣ около лѣваго уса, куда поцѣловала незнакомка, дрожалъ легкій, пріятный холодокъ, какъ отъ мятныхъ капель, и чѣмъ больше онъ теръ это мѣсто, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ этотъ холодокъ; весь же онъ отъ головы до пятъ былъ полонъ новаго, страннаго чувства, которое все росло и росло...

Ему захотѣлось плясать, говорить, бѣжать въ садъ, громко смѣяться... Онъ совсѣмъ забылъ, что онъ сутоловатъ и безцвѣтенъ, что у него рысьи бакены и „неопредѣленная наружность“ (такъ однажды была названа его наружность въ дамскомъ разговорѣ, который онъ нечаянно подслушалъ). Когда мимо него проходила жена Раббека, онъ улыбнулся ей такъ широко и ласково, что она остановилась и вопросительно поглядѣла на него...

— Вашъ домъ мнѣ ужасно нравится!... сказалъ онъ, поправляя очки.

Генеральша улыбнулась и рассказала, что этотъ домъ принадлежалъ еще ея отцу, потомъ спросила, живы ли его родители, давно ли онъ на службѣ, отчего такъ тощъ и проч. Получивъ отвѣты на свои вопросы, она пошла дальше, а онъ послѣ разговора съ нею сталъ улыбаться еще ласковѣе и думать, что его окружаютъ великолѣпнѣйшіе люди...“ Съ той поры Рябовичъ весь былъ поглощенъ этимъ происшествіемъ. Оно произвело на него потрясающее впечатлѣніе, и, когда бригада, возвращаясь изъ лагерей, опять проходила Мѣстечки, Рябовичъ былъ полонъ страстнаго ожиданія. „Подъѣзжая къ церкви и потомъ выслушивая квартирера, онъ ждалъ каждую секунду, что изъ-за ограды покажется верховой на странной лошади и пригласитъ офицеровъ къ чаю, но... докладъ квартиреровъ кончился, офицеры спѣшились и побрели въ деревню, а верховой не показывался...

— Сейчасъ Раббекъ узнаетъ отъ мужиковъ, что мы пріѣхали, и пришлетъ за нами, — думалъ Рябовичъ, входя въ избу и не понимая, зачѣмъ это товарищъ зажигаетъ свѣчу и зачѣмъ денщики спѣшатъ ставить самовары. Тяжелое безпокойство овладѣло имъ. Онъ легъ, потомъ всталъ и поглядѣлъ въ окно, не ѣдетъ ли верховой? Но верхового не было. Онъ опять легъ, черезъ полчаса всталъ и, не выдержавъ безпокойства, вышелъ на улицу и зашагалъ къ церкви... На площади, около ограды, было темно и пустынно... Какіе-то три солдата стояли рядомъ у самого спуска и молчали. Увидѣвъ Рябовича, они вострепнулись и отдали честь. Онъ откозырялъ имъ въ отвѣтъ и сталъ спускаться внизъ по знакомой тропинкѣ.

На томъ берегу все небо было залито багровой краской: всходила луна, какія-то двѣ бабы, громко разговаривая, ходили по огороду и рвали капустные листы; за огородами темнѣло нѣсколько избъ... А на этомъ берегу было все то же, что и въ маѣ: тропинка, кусты, вербы, нависшія надъ водой... Только не слышно было храбраго соловья, да не пахло тополемъ и молодой травой...

Дойдя до сада, Рябовичъ заглянулъ въ калитку... Въ саду было темно и тихо... Видны были только бѣлые стволы ближайшихъ березъ, да кусочекъ аллеи, все же остальное

смѣшалось въ черную массу... Рябовичъ жадно вслушивался и всматривался, но, простоявъ съ четверть часа и не дождавшись ни звука ни огонька, поплелся назадъ...

Онъ подошелъ къ рѣкѣ. Передъ нимъ бѣлѣли генеральская купальня и простыни, висѣвшія на перилахъ мостика... Онъ взошелъ на мостикъ, постоялъ и безъ надобности потрогалъ простыню. Простыня оказалась шершавой и холодной. Онъ поглядѣлъ на воду... Рѣка бѣжала быстро и едва слышно журчала около свай купальни. Красная луна отражалась у лѣваго берега; маленькія волны бѣжали по ея отраженію, растягивали его, разрывали на части и, казалось, хотѣли унести, какъ щепку...

— Какъ глупо! Какъ глупо! — думалъ Рябовичъ, глядя на бѣгущую воду. — Какъ все это не умно!

Теперь, когда ужъ онъ ничего не ждалъ, исторія съ поцѣлуемъ, его нетерпѣніе, неясныя надежды и разочарованіе представлялись ему въ ясномъ свѣтѣ... Ему ужъ не казалось страннымъ, что онъ не дождался генеральскаго верхового и что никогда не увидитъ той, которая случайно поцѣловала его вмѣсто другого; напротивъ, было бы странно, если бы онъ увидалъ ее...

Вода бѣжала неизвѣстно куда и зачѣмъ. Бѣжала она такимъ же образомъ и въ маѣ; изъ рѣчки въ маѣ мѣсяцъ она влилась въ большую рѣку, изъ рѣки въ море, потомъ испарилась, обратилась въ дождь и, быть можетъ, она, та же самая вода, опять бѣжитъ теперь передъ глазами Рябовича... Къ чему? Зачѣмъ?

И весь міръ, вся жизнь показались Рябовичу непонятной, безцѣльной мистификаціей... А отведя глаза отъ воды и взглянувъ на небо, онъ вспомнилъ, какъ судьба въ лицѣ 290 незнакомой женщины нечаянно обласкала его, вспомнивъ свои лѣтнія мечты и образы, и его жизнь показалось ему необыкновенно скудной, убогой и безцвѣтной...

Когда онъ вернулся къ себѣ въ избу, то не засталъ ни одного товарища. Денщикъ доложилъ ему, что всѣ они ушли къ „генералу Фонтрябкину“, приславшему за ними верхового... На мгновеніе въ груди Рябовича вспыхнула радость, но онъ тотчасъ же потушилъ ее, легъ въ постель и на зло своей судьбѣ, точно желая досадить ей, не пошелъ къ генералу...

Приключеніе, случившееся съ Рябовичемъ, рассказано Чеховымъ очень искусно и съ чувствомъ мѣры. Но это приключеніе — мелодія, а нужны еще варіаціи; и вотъ такими варіаціями являются съ одной стороны, страстные мечты и наивныя ожиданія офицера, съ другой — вторичное посѣщеніе Мѣстечекъ. Чеховъ чрезмѣрно поусердствовалъ насчетъ варіацій. Какою бы впечатлительной натурой ни обладалъ Рябовичъ, приключившійся съ нимъ анекдотъ не могъ ввести его въ большое заблужденіе. Поцѣлуй былъ данъ ему ошибкой. Это настолько очевидно, что и самъ Рябовичъ не имѣлъ повода объяснить дѣло какъ-нибудь иначе. Слѣдовательно, матеріала для страстныхъ грезъ и ожиданій приключеніе ему не давало. Мы бы поняли Рябовича, если бы поцѣлуй пробудилъ въ немъ чувства, подобныя тѣмъ, которыя испытывалъ Некрасовскій Наумъ, подсмотрѣвъ нѣжную сцену между своими молодыми постояльцами.

„Я сладко пилъ, я сладко ѣлъ“,

Онъ думаетъ уныло:

„А кто мнѣ въ очи такъ смотрѣлъ?..“

И все ему постыло.

Психологія Наума, если не вполне, то весьма близко, подходитъ къ психологіи Рябовича. Разница лишь въ томъ, что Наумъ и по развитію и по требованіямъ, предъявляемымъ къ жизни, стоитъ ниже Рябовича, и потому его неудовлетворенность, такъ сказать, грубѣе и одностороннѣе.

Чеховъ не захотѣлъ свести дѣла къ подобной простой развязкѣ. Ему мерещились болѣе сложныя, болѣе интересныя комбинаціи душевнаго настроенія героя. И въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, сложныя комбинаціи ему не удались. Онъ сочинилъ ихъ внѣ зависимости отъ героя, и онѣ висятъ въ воздухѣ, Богъ вѣсть кому и зачѣмъ нужныя.

291 Кажется, приведенныхъ примѣровъ вполне достаточно для общей характеристики творчества нашего автора. Мы уже говорили, что согласны съ критиками, признающими Чехова талантливымъ писателемъ. Несомнѣнно, онъ талантливъ, но какой прокъ вышелъ изъ его таланта? Въ маленькихъ сценкахъ, гдѣ Чеховъ не пытается изображать сложныхъ явленій и дѣйствуетъ болѣе фотографическимъ, чѣмъ творческимъ аппаратомъ, — много правды, свѣжести, бойкости. Но эти

сценки не связаны между собою, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда передають однородныя явленія, показываютъ однихъ и тѣхъ же лицъ. Я позволю себѣ указать на миниатюры Марка Твэна. Множество его рассказовъ не превышаетъ по объему рассказовъ г. Чехова, и все-таки въ каждомъ заключена опредѣленная, безъ труда понятная читателю, идея. Эта идея естественно вытекаетъ изъ представляемаго авторомъ житейскаго явленія, захваченнаго въ существенно важныхъ сторонахъ. Секретъ творчества миниатюръ заключается именно въ томъ, чтобы уловить или самыя крупныя, я бы даже сказалъ, самыя грубыя черты даннаго явленія, не теряясь въ подробностяхъ, или, наоборотъ, найти ярко-типичныя подробности и, не касаясь основныхъ чертъ, лишь ими характеризовать все явленіе. Тогда миниатюра имѣетъ значеніе и значеніе самостоятельное. Миниатюры же г. Чехова — маленькіе уродцы, лиллипуты, являющіеся живою пародіей на правильно организованнаго человѣка. Г. Чеховъ не умѣетъ довольствоваться краснорѣчивыми подробностями или не менѣе краснорѣчивыми основными чертами. Онъ смѣшиваетъ то и другое, желая достигнуть полноты, свойственной „большому полотну“. Оттого его рассказы кажутся уменьшенной фотографіей съ „настоящихъ“ рассказовъ, гдѣ явленія жизни изображаются въ натуральную величину, гдѣ соблюдена гармонія основныхъ частей и подробностей и гдѣ этому вполне содѣйствуетъ архитектоника. Но тутъ-то и есть главный недостатокъ нашего автора. Онъ долженъ давать не уменьшенные фотографическіе снимки, а картины жизни въ натуральную величину, но, по нѣсколько особому, упрощенному приему, сущность котораго мы сейчасъ разъяснили.

132. Въ произведеніяхъ г. Чехова нѣтъ того, что называется тенденціей, но зато есть нѣчто аналогичное, основанное, какъ и тенденція, на пресловутомъ стремленіи къ „осознательной пользѣ“. Г. Чеховъ является всегда большимъ реалистомъ, поклонникомъ будничныхъ темъ и будничныхъ настроеній. Онъ старается изображать жизнь какъ можно проще. Это похвально, но, къ сожалѣнію, не всегда цѣлесообразно. Да и жизнь не всегда ужъ такъ проста. По рецепту подобной простоты, г. Чеховъ изобразилъ, наприимѣръ, Сусанну (рассказъ „Тина“). Вязанный шерстяной платокъ, носъ съ острымъ кончикомъ, одинъ большой черный глазъ, — чего проще?

Однако, эта простота не помогла дѣлу, и мы уже знаемъ, къ какой неразрѣшимой загалкѣ привелъ въ данномъ случаѣ читателя г. Чеховъ. Я думаю, онъ смѣшалъ простоту, иначе говоря, искренность отношенія художника къ жизни съ несложностью житейскихъ явленій, будто бы проистекающихъ всегда отъ дѣйствія очень нехитрыхъ и очевидныхъ факторовъ.

Мы рассмотрѣли отнюдь не слабѣйшіе рассказы г. Чехова и всюду видѣли одинъ и тотъ же недостатокъ, — неумѣнье проникнуть въ душу человѣка. Отсюда логически происходитъ другой недостатокъ, инстинктивное желаніе подмѣнить міръ духовный міромъ внѣшнимъ. Право, я не погрѣшу, сказавъ, что г. Чеховъ даже и не подозреваетъ о существованіи какого-либо иного человѣка, кромѣ плотскаго. Это я заключаю изъ его глубокой увѣренности, что совершенно достаточно передать механическую сторону поступковъ человѣка, — и человѣкъ предстанетъ передъ нами во всѣхъ подробностяхъ, во всей своей сущности.

Г. Чеховъ не правъ, разсуждая такимъ образомъ. „И публика не права, между тѣмъ“, удовлетворяясь плодами подобнаго творчества. Успѣхъ Чехова, по нынѣшней публикѣ, явленіе нормальное, но съ точки зрѣнія интересовъ искусства, онъ печаленъ. Талантливъ Чеховъ или не талантливъ — это все равно, коль скоро онъ не имѣетъ, что сказать. Мы прислушиваемся къ его словамъ, читаемъ рассказъ за рассказомъ, и все-таки намъ неизвѣстно, *зачѣмъ Чеховъ пишетъ*. Есть ли въ его душѣ такія чувства и настроенія, которыя, наболѣвъ, просятъ выхода? Есть ли такія стороны жизни, которыя ему особенно хорошо извѣстны, о которыхъ онъ можетъ много рассказать, которыя во что бы то ни стало должно показать всѣмъ? Есть ли, наконецъ, у него такія неотвязныя, глубоко продуманныя мысли, которыми слѣдуетъ подѣлиться съ читателемъ?

Въ зависимости отъ нашего пониманія творчества Чехова, мы ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ не можемъ отвѣтить утвердительно. Чеховъ не обнаружилъ ни особеннаго знанія жизни, ни наболѣвшихъ думъ, ни кипучихъ чувствъ. Встрѣчаются отъ времени до времени слабые намеки на все это, и такіе намеки заставляютъ признать, что Чеховъ могъ бы быть писателемъ опредѣленнаго значенія, если бы въ немъ

самомъ, въ его взглядахъ на жизнь и на задачи художника было больше опредѣленнаго.

Мы назвали Чехова „жертвой безвременья“. Характерныя черты этого безвременья — именно отсутствіе опредѣленности. На нашихъ глазахъ дожили вѣкъ грубыя стремленія сдѣлать изъ искусства какой-то нелѣпый боевой таранъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ взгляды, болѣе продуманные, болѣе обоснованные, еще не распространяются съ желаемой быстротою. Они, изволите видѣть, взгляды старые, а намъ непремѣнно нужно новизны, и мы охотно предпочитаемъ декадентское кривлянье „старой эстетикѣ“.

Чеховъ декаденствомъ, кажется, не зараженъ. Однако, и старая эстетика привлекаетъ его мало. Онъ слѣдуетъ ей только иногда и притомъ безсознательно. Ищетъ ли нашъ авторъ новыхъ путей? Не думаемъ, потому что слишкомъ очевидны его отклоненія въ сторону ложно понимаемой „осязательной пользы“.

Что касается значенія творчества Чехова для общей характеристики современной русской литературы, то оно, пожалуй, благопріятное. Все-таки замѣтно желаніе молодыхъ писателей выйти на торный путь и посмотрѣть жизни прямо въ глаза, забывъ напыщенные претенціозные уроки „властителей думъ“ въ эпоху шестидесятыхъ годовъ. М — скій.

— < К. П. Медведский >